

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.352.2'38
ББК Ш160.2-55
DOI 10.26170/pl20-04-14

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Л. А. Агрба

Абхазский государственный университет, Сухум, Республика Абхазия

ORCID ID: —

✉ E-mail: lagrba@mail.ru.

Особенности идиостиля политика (на примере анализа языковой личности первого президента Абхазии В. Г. Ардзинбы)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена особенностям идиостиля первого президента Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинбы — одной из самых значимых в общественно-политической и социокультурной жизни Абхазии личностей. В исследовании предпринята попытка выявить и структурировать идиостилевые константы, целевые установки, речевые тактики и стратегии, стилистико-риторические приемы, используемые политиком. **Объектом** лингвистического анализа стали тексты интервью и выступлений Владислава Ардзинбы накануне, во время и сразу после грузино-абхазской войны (1992—1993 гг.). **Актуальность** исследования обусловлена недостаточной изученностью языка и стиля Ардзинбы, его коммуникативно-когнитивных и речевых особенностей, значимых в плане воздействия на коллективного адресата. **Цель** работы состоит в анализе специфических черт идиостиля — лексических и риторических аспектов, воссоздающих целостный языковой портрет политика. Для достижения поставленной цели реализуется **задача** комплексного описания и систематизации лингвориторических приемов для выявления особенностей идиостиля политика. В рамках исследования идиостиль трактуется комплексно, как проявление специфики языковой личности в структуре, семантике и прагматике созданных ею текстов. **Материалом** исследования послужили тексты и стенограммы интервью политика. В качестве **метода** исследования выбран метод научного описания, включающий приемы классификации, интерпретации и обобщения языкового материала на основе компонентного и контекстного анализа. В **результате** исследования выявлено, что интервью Ардзинбы отличаются содержательностью, логичностью изложения, образностью, фактографичностью, а также набором специфических лингвориторических особенностей и характеризуются сильным воздействием на участников политического дискурса своего времени. Интерпретируя идиостиль первого президента Абхазии, мы выделяем целевые установки, стилистико-риторические и лексико-содержательные признаки, определяющие варьирование коммуникативного поведения рассматриваемой публичной языковой личности. Дальнейшее исследование языковой личности политика в аспекте выявления особенностей его идиостиля представляется перспективным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идиостиль; языковая личность; целевые установки; риторические приемы; лексико-содержательные признаки; лингвостилистические особенности; культура речи; президенты; политические деятели; политическая риторика; политические речи; лингвоперсонология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков, Абхазский государственный университет; 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1; e-mail: lagrba@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агрба, Л. А. Особенности идиостиля политика (на примере анализа языковой личности первого президента Абхазии В. Г. Ардзинбы) / Л. А. Агрба // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 114–131. — DOI 10.26170/pl20-04-14.

ВВЕДЕНИЕ

На политической арене регулярно возникают талантливые политики и искусные ораторы, чьи речи и действия притягивают внимание. Намного реже появляются харизматичные лидеры, прославляющие отечество, истинные государствостроители, способные влиять на судьбы народов и трансформировать сознание масс, — они становятся предметом бесконечного осмысления и кропотливых исследований специалистов разного профиля. Междисциплинарной научной парадигмой, изучающей отличительные особенности личностной идентичности и речевое поведение политика, стала лингвополитическая персонология. Это «научное на-

правление, в центре которого находится изучение языковой личности (речевого портрета, риторического портрета, коммуникативного имиджа, языкового образа, идиостиля и др.) политика» [Нахимова 2016: 22].

Отметим, что вопрос анализа идиостилевых особенностей языковой личности был и остается одним из ключевых в связи с неослабевающим интересом к лингвистическим исследованиям, направленным на изучение неповторимости каждого человека, проявляющего себя в речевой деятельности. «Антропоцентрическая парадигма современного научного знания наряду с признанием важности человеческого фактора предоставляет приоритетное место этноцентрическому подходу при

анализе языковой и дискурсной эмпирики» [Седых, Смирнова 2019: 333].

Источником идиостиля является языковая личность, владеющая основными кодами культуры и средствами системной их языковой трансляции и представляющая собой совокупность особенностей и характеристик, обуславливающих создание и воспроизводство текста. Идиостиль основан на принципе взаимообусловленности языка и общества, языка и культуры. Он «отражает речевую культуру, тип мышления, тезаурус, психологические особенности, доминирующий характер общения, своеобразие в постановке и решении проблем и специфику познавательного отношения к происходящему» [Болотнова, Болотнов 2012: 188].

Характеристики идиостиля зависят от индивидуальных особенностей языковой личности, от «вербальных ассоциаций, характера восприятия действительности, мировоззрения и мотивации, присущих личности, а также ее психических и социальных характеристик, культурно-исторических истоков, национальной принадлежности, политических и философских взглядов. Идиостиль — это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [Самарская, Поздеева 2016].

Таким образом, идиостиль — это оригинальное, неповторимое проявление языковой личности, внешняя форма выражения внутренней сущности (менталитета, ценностных установок, национально-культурных и индивидуально-личностных характеристик), реализуемая индивидуальным комплексом лингвориторических средств (речевыми и коммуникативными стратегиями и тактиками).

Под идиостилем мы понимаем уникальный авторский способ реализации индивидуальной языковой картины посредством риторических и лингвистических средств. «Важной отличительной чертой настоящего времени является персонализация политической сферы, т. е. ассоциирование в массовом сознании политического события с конкретными людьми, лидерами» [Анисимова 2008: 27]. Мы в предлагаемом исследовании на основе анализа текстов политических интервью рассмотрим особенности идиостиля крупнейшей политической фигуры в современной истории Абхазии, ее первого президента — Владислава Григорьевича Ардзинбы. Считаем, что изучение идиостилевых особенностей языковых личностей, обладающих высоким уровнем рече-

вой и коммуникативной культуры, принадлежащих к элитарному типу, к коим, безусловно, относился В. Г. Ардзинба, может представлять для исследователя-лингвиста значительный интерес.

ИДИОСТИЛЬ ПОЛИТИКА

Комплексный подход к анализу идиостиля разработан в коммуникативной стилистике текста, в рамках которой он рассматривается как интегральное понятие, отражающее особенности личности, проявляющиеся в ее текстовой деятельности [Болотнова, Васильева 2009; Болотнова и др., 2011]. Исследование идиостиля осуществляется путем установления уникальных стилистических, лексико-семантических, риторических и иных приемов, определяющих индивидуально-авторский стиль языковой личности, а также выявления мировоззренческих установок, транслирующих систему ценностей, жизненный опыт, философские взгляды и т. д.

Анализируя особенности идиостиля, специалисты в области политической лингвистики обращаются к характерным чертам речи конкретных политиков, рассматривая коммуникативные стратегии и тактики, образные средства, пласты лексики и фразеологии, способы выражения модальности и оценки, метафорический инструментарий, лексико-стилистические особенности и т. д. [подробнее см.: Анисимова 2016; Алексеева 2012; Зелянская 2014; Васильев 2015; Нахимова 2016; Гаврилова 2011; Дементьева 2009; Цуциева 2014 и др.].

Особый интерес при анализе идиостиля политика представляют трансформации его публичного речевого поведения (вербального и невербального, особенно в критических ситуациях), проявления системы типичных авторских моделей, стратегий и тактик, которые обладают параметрами частотности и смыслообразующим потенциалом. «Языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с различной степенью интенсивности проявляются надындивидуальные и индивидуальные черты» [Цуциева 2012: 106], поэтому языковую личность политика необходимо рассматривать в комплексе, состоящем из культурно-речевой, коммуникативной, когнитивной, вербальной, прагматической составляющих, отражающих многогранную содержательную сущность индивидуальных особенностей анализируемой персоны.

Считаем, что важно рассматривать языковую личность политика в контексте веками складывавшихся социально, исторически, культурно обусловленных представлений, во

взаимосвязи с самосознанием народа, его воспитавшего. Именно этнокультурный фундамент является тем основанием, который определяет не только способ мышления, работы, реагирования, принятия решений, но и стиль общения с народом, выбор политиком языковых и риторических средств для выражения своей позиции и т. д. «Речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во „вселенную“ мнений и оценок (то есть, во всё множество внутренних миров) его адресатов, „потребителей“ политического дискурса. Поэтому умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию» [Маслова 2008: 45].

Истинный лидер умеет пользоваться знаками и понятиями, входящими в ценностную парадигму общества, что является залогом его успеха в достижении стратегической задачи общественно-политического дискурса — обретении поддержки целевой аудитории. «В политическом дискурсе каждого государства и общества есть своя специфика, сформировавшаяся на основе культуры, традиций, национальных ценностей и идеалов» [Безруков 2014: 16], что дает основание рассматривать его «как знаковый феномен» [Шейгал 2004: 154]. А успеха добивается тот лидер, чьи черты и стиль (в комплексе политических, мировоззренческих, биографических, внешних качеств) резонируют с предпочтениями, убеждениями, ценностями его народа (электората).

Среда формирует политика, но и политик задает соответствующий вектор развития государства и его институтов, выстраивая определенные коммуникационные связи между властью и народом (иерархия, обратная связь, близость/отдаленность и т. д.). На наш взгляд, анализ идиостиля политика позволяет объективно оценивать роль личности в истории страны и судьбе народа. «Выявление идиостилевых особенностей публичных информационно-медийных языковых личностей, для которых характерны известность, узнаваемость, открытость, полидискурсивность текстовой деятельности, эффект воздействия на общество и др., важно в прогностических и коммуникативно-прагматических целях» [Болотнов 2019: 22]. Поэтому в современной политической лингвистике предметом внимательного рассмотрения становятся не только речевая деятельность президентов или проявления различных аспектов языковой личности в жанрах президентского дискурса, но и пути создания образа президента в коммуникативной деятельности иных политических акторов и

журналистов. «Изучение подобных материалов позволяет определить, как руководитель страны воспринимается в национальном сознании» [Нахимова 2007: 44].

Существует ряд общих признаков, характеризующих языковую личность политика с учетом общественно-политической, социальной, культурной, профессиональной роли, выполняемой в социуме:

- повышенная коммуникативная активность;
- ориентация на массового адресата;
- способность влиять на сознание, мировосприятие и деятельность масс.

При этом существуют и уникальные характеристики языковой личности, делающие ее особенной, неповторимой. Для любого политика самое главное — стать «знаковой» фигурой в обществе, а для этого важно выработать свой собственный идиостиль. Мы рассматриваем идиостиль политика сквозь призму индивидуально-авторского поведения языковой личности, отражающегося в уникальности выбора и использования тех или иных риторических средств, стратегий и тактик, необходимых политику для оказания влияния на целевую аудиторию, не только с целью привлечения внимания, но и побуждения к определенным действиям. Идиостиль политика — это некий конгломерат миропонимания, мышления и стиля речи, которому присущи индивидуальные особенности, способные влиять на массового адресата. На наш взгляд, идиостиль можно выразить формулой: менталитет + лексические ресурсы языка + риторический арсенал, включающий элементы воздействия. В силу этого изучение идиостиля политика в различных аспектах: когнитивном, вербальном и прагматическом — актуально в целях анализа коммуникативно-прагматических стратегий, развития политического дискурса и анализа механизмов воздействия.

КЛАССИФИКАЦИЯ СУЩНОСТНЫХ АСПЕКТОВ ИДИОСТИЛЯ АРДЗИНБЫ

При анализе языковой личности политика Ю. Н. Караулов, автор метода лингвоперсонологического структурного моделирования, предлагает исследовать вербально-семантический уровень, в котором отражается владение лексико-грамматическим фондом языка, когнитивный, репрезентирующий языковую картину мира, и прагматический, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации [Караулов 2007].

По мнению М. Г. Цуциевой, «одним из возможных подходов к изучению языковой

личности политика может быть выделение релевантных признаков прототипической языковой личности политика, т. е. типичного представителя данной социальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации, и „вариативной“ (индивидуальной) языковой личности политика, в структуре которой проявляются личностные, индивидуальные предпочтения субъекта дискурса на фоне общих, универсальных стратегий (персуазивная)» [Цуциева 2013: 107].

В рамках статьи мы решили классифицировать сущностные аспекты идиостиля Ардзинбы по следующим основаниям: целевой установке, стилистико-риторическим признакам и лексико-содержательному аспекту. Предлагаемая классификация отвечает целям настоящего исследования и позволяет, на наш взгляд, составить более точное представление об особенностях идиостиля политика, понять характерные черты личности, превратившейся из лидера народа в народного лидера в один из самых сложных исторических этапов его существования.

1. По **целевой установке** можно выделить ряд характерных признаков идиостиля В. Г. Ардзинбы.

• **Опора на национальное самосознание.**

Анализ текстов интервью позволяет утверждать, что для идиостиля В. Г. Ардзинбы характерна опора на национальное самосознание. Речь политика наполнена национально значимым аксиологическим содержанием: это и образ страны как независимого суверенного государства; и образ многонационального, многоконфессионального государства, функционирующего в единстве и сплоченности народов; и образ стремительно развивающегося региона, мирно сосуществующего с соседями; и образ коренного, титульного народа, культура, традиции и язык которого требуют особого внимания, уважения.

Отметим, что с момента своего прихода в политику В. Г. Ардзинба апеллировал к компонентам, которые соответствовали национально-культурным ценностям, мнениям, верованиям, убеждениям народа. Для политика духовное единение народа стало целевой установкой политической деятельности, а опора на национальное самосознание — ключевым механизмом возрождения и консолидации нации, основой строительства независимого государства, ведь независимость Абхазии была национальной идеей народа на протяжении многих лет. Ардзинба подчеркивает, что «и в годы Советского Союза Абхазия была одним из регионов, где

национальное самосознание всегда было на очень высоком уровне» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 175] (здесь и далее выделено мной. — Л. А.).

Политик подчеркивает, что гордится мужеством, стойкостью своего народа, заявленными лидером как идеологически ценностные культурно-нравственные ориентиры. **«Я лично горжусь тем, что нравственные идеалы нашего народа оказались столь высоки даже в этой сложной трагической ситуации»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 26]. **«Я горжусь достижением своего народа во время войны, который не склонил своей головы, смог собраться, отстоять свою родину»** [Сайт первого президента Абхазии www]. «Война стала для нашего народа большой трагедией, но не запугала нас. **Наш народ не испугался, не стал перед врагом на колени»** [Сайт первого президента Абхазии www].

Политик хорошо знал и чтит обычаи, традиции, культуру народа, считал их особенными, уникальными и всегда с уважением и гордостью говорил о своем происхождении. «Очень любопытное явление, характерное для абхазской культуры: абхазы поднимают бокалы со словами „Да здравствует народ!“... Наверно, не часто Вы встретите такое отношение не только к собственному народу, а именно к сообществу народов. Я думаю, что это **важный элемент национальной культуры**, который проявляется и во многих других вещах, в частности, в обычаях гостеприимства, доброжелательности...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 180].

Судя по стилю и способу рефлексии, можно говорить о глубоко и творчески воспринятой политиком национальной речемыслительной культуре. Будучи носителем языка и культуры своего народа, хорошо ориентируясь в ценностных координатах, предпочтениях аудитории, в своих телевизионных интервью, особенно во время войны, В. Г. Ардзинба часто переходил на родной язык, тем самым вызывая к глубинным основам этнического самосознания, добавляя значимости своим словам, пытаясь консолидировать абхазское общество вокруг национальной идеи. Объединение народа происходило за счет апелляции к общим моральным, духовным, этнокультурным ценностям, передаваемым из поколения в поколение. Считаем характерной чертой идиостиля Ардзинбы готовность политика убедительно, прямым обращением к народу, с опорой на национальную аксиологическую систему, высказываться публично (в том числе на родном языке).

• **Близость к народу, ассоциированность с ним.**

Следующая особенность идиостиля политика непосредственно связана с предыдущей и характеризуется «мы»-установкой для налаживания взаимодействия с аудиторией. В. Г. Ардзинба прекрасно осознавал, как важно было заручиться поддержкой народа в непростые времена. В высказываниях политика повсеместно прослеживается желание солидаризироваться с мнением народа. При этом ассоциированность с народом носит абсолютный характер. Обозначая проблемы народа как первостепенные, политик с помощью местоимения «мы» подчеркивает чувство единения, эмоциональной близости с адресатом. **«Если нам дадут возможность жить спокойно, без угроз, я глубоко убежден в том, что руководство Абхазии, народ Абхазии найдут возможность для того, чтобы Абхазия стала действительно процветающей республикой»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 178]. **«Мы предлагаем варианты таких компромиссов, но в ответ нас давят снова и снова, чтобы мы согласились на 100-процентный грузинский вариант урегулирования. Этого не будет. Этого не допустит наш народ, этого не допущу я, как президент и гражданин Абхазии»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 257].

Вообще местоимение «мы» используется в политическом дискурсе в манипулятивных целях, чаще всего чтобы сократить дистанцию и создать эффект вовлеченности аудитории. Оно также используется политиками, чтобы разделить ответственность, когда решения спорны или есть опасения, что они будут восприняты негативно [Bramley 2001; Karapetjana 2011]. Однако в идиостиле В. Г. Ардзинбы это местоимение наполнено идеологическим содержанием и звучит как «мы вместе!» / «мы едины» / «вместе — мы сила!», давая ощущение коллективной сплоченности.

Тексты интервью свидетельствуют, что политик разделяет с народом его горести и чаяния, боль народа он воспринимает как свою. **«Это вызывает у нас большую боль: идет истребление мирного населения, идет грубейшее попрание прав человека...»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 22]. Более всего политика пугают «ощущения, связанные с несчастьем, с серьезными потрясениями **моего народа**» [Сайт первого президента Абхазии www]. Часто повторяемая фраза **«мой народ»** (прямая калька с абхазского, используемая для публичного обращения к народу) демонстрирует, что политик полностью отождествляет себя с

ним, при этом отводя себе роль своеобразного посредника. **«Судьбу народа может решать только сам народ** и, естественно, его лидеры, которые должны учитывать мнение народа» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 48].

• **Государственность (приверженность принципам строительства независимого суверенного государства).**

Характерной особенностью идиостиля В. Г. Ардзинбы является его попытка скорректировать и повлиять на формирование в обществе государственного типа мышления с установкой на восстановление независимой государственности. Политик последователен в отстаивании прав Абхазии на собственное независимое государство и приоритетом выхода из политического кризиса называет «право народов на самоопределение своей судьбы». Ардзинба регулярно подчеркивал: **«Абхазия — не какая-то часть Грузии, одна из ее провинций, а государство, с полномочиями, присущими суверенному государству»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 144]. **«Абхазия — государство со всеми присущими ему атрибутами»**. **«Абхазия — это, во-первых, территория, на которой наше государство существует уже 1200 лет. И мы, как народ, имеем право на самоопределение»**. **«Абхазия — страна древней государственности**. Она существует у нас более 1200 лет». **«Мы были государством даже тогда, когда нам насильственно навязали статус грузинской автономии»** [Сайт первого президента Абхазии www]. **«Абхазия — самостоятельное, суверенное государство»**, — данное высказывание является своеобразным лозунгом, лейтмотивом политических выступлений В. Г. Ардзинбы.

В вышеприведенных высказываниях проявляется идеологическая направленность деятельности политика. С помощью устойчивых сочетаний **независимость государства, право на самоопределение, суверенное государство** и т. д. В. Г. Ардзинба актуализирует идею создания независимого абхазского государства как национальную идею. Своей целью и основной миссией В. Г. Ардзинба видит гражданскую солидарность многонационального общества Абхазии и консолидацию абхазского народа вокруг строительства независимой демократической республики. **«Одна из наших целей — строительство в Абхазии демократического государства**. Одним из первых документов, принятых парламентом Абхазии, была Всеобщая декларация прав человека» [Сайт первого президента Абхазии www].

Отличительными чертами (которые, безусловно, не ограничиваются представлен-

ными ниже), позволившими политику добиться озвученных в рамках индивидуально-авторской вербально-семантической системы политических целей, были, на наш взгляд:

– **ответственность.** В. Г. Ардзинба подчеркивает, что он вынужден взять на себя бремя ответственности за судьбу народа: «Смысл же моего нынешнего президентства в том, что я несу **ответственность перед своим народом**, когда стоит вопрос о его жизни и смерти» [Сайт первого президента Абхазии [www](#)]. Часто повторяя: «совершенно **ответственно** заявляю», «мы приняли **ответственное** решение», «со всей **ответственностью**...» и т. п., В. Г. Ардзинба возлагает на себя ответственность говорить и действовать от лица народа, причем мнение народа и его собственное, согласно В. Г. Ардзинбе, неотделимы друг от друга. «**Всё, что провозглашено и принято народом, самое главное...** Абхазский народ выступает за строительство суверенного, демократического, независимого государства — субъекта международного права» [Сайт первого президента Абхазии [www](#)].

Осознавая всю сложность своего выбора, В. Г. Ардзинба нередко употребляет фразу «*если бы речь шла лично обо мне...*». Так, после подписания Московского соглашения, вызвавшего неоднозначную реакцию в Абхазии, он заявил: «Если бы речь шла лично обо мне, я бы сам определял и оценивал, я, конечно, не поставил бы подпись под этим документом. Но речь шла о существенно большем: **речь шла о судьбе народа**, поэтому решения должны быть очень взвешенные, я думаю, что то, что я подписал документ, это правильное решение» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 28].

Один из журналистов, бравших у политика интервью, так о нем отзывался: «Владислав Ардзинба оказался неожиданно скромным и деликатным человеком. Признался, что в союзном парламенте каждый раз, выходя к микрофону, преодолевал в себе природную стеснительность. „Но поскольку это было важно для дела, я шел и говорил“... Он, по-моему, начисто лишен амбиций и политическая карьера как таковая не стала для него целью жизни, напротив, он мечтательно говорит о том времени, когда сможет вернуться к своей научной работе, к книгам, и становится понятно, что нынешнюю **свою миссию он рассматривает** ни больше ни меньше, как **исполнение своего патриотического долга перед Родиной**» [Сайт первого президента Абхазии [www](#)];

– **принципиальность, политическая смелость.** Особенности идиостиля В. Г. Ард-

зинбы выдают в нем уверенного в себе, активного политика, готового самоотверженно бороться в отстаивании политических прав и устремлений народа. Особенно в период военных действий характерны высказывания типа «*мы будем защищать родину до конца*», «*мы не сдадимся*», «*мы будем биться до конца*».

Именно борьба становится целевой установкой политика: «**Жизнь — это борьба**, в том числе и в жизни государства, у нас нет оснований для паники, *мы готовы противостоять любой угрозе*» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 231]. «**Отказ от борьбы хуже предательства**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 36]. «**Если бы я бежал, то сдался бы** на милость победителей — подал бы в отставку по требованию Госсовета (власти Грузии того времени. — прим. Л. А.). Но „победитель“, как Наполеон под Москвой в 1812 году, одержал пиррову победу» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 33].

Идиостиль В. Г. Ардзинбы реализуется в принципиально антиномичном дискурсе, в котором наблюдается, с одной стороны, подчеркнутая вежливость, объективность, доказательность, с другой — страстная личная убежденность и жесткая полемичность. Именно эти качества обуславливают выбор соответствующих лингвистических единиц и риторических структур, выдающих политика принципиального и довольно жесткого в отстаивании ценностей и интересов.

Для политика «совершенно очевидно, что **объектом агрессии были абхазская государственность, абхазская культура и язык, абхазский этнос**» [Сайт первого президента Абхазии [www](#)], вот почему зачастую прослеживается категоричная тональность высказываний: «Ни о каком вертикальном подчинении **речь идти не может**. Грузия, которая часто критикует Россию, хочет восстановить свое государство по принципу „русской матрешки“. **А нам всё равно**, какая это матрешка — русская или грузинская» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 14]. «Нынешнее руководство Грузии вместо того, чтобы цивилизованно урегулировать отношения внутри федерации, пошло путем уничтожения народа. Нет народа — нет проблем. Но **пока жив хоть один абхаз, мы будем бороться за свое государство**. Так и напишите: до последнего человека. Нам некуда отступать. Это наша земля» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 64]. «Поскольку не было оппонента, то слышен был только монолог грузинской стороны. По этому монологу и были приняты соответствующие резолюции. С принятыми таким обра-

зом решениями **мы никогда не согласимся**» [Сайт первого президента Абхазии www].

Свою задачу политик видит в том, чтобы на абхазской земле воцарился мир и спокойствие. «Я хотел бы вместе со своим народом сделать так, **чтобы больше не было крови на абхазской земле**. Вот тогда я бы действительно считал бы себя абсолютно счастливым человеком» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 182]. «Владислав знал, на что идет, не исключал, что за это ему придется расплачиваться своей жизнью. Но **главным для него были независимость Абхазии и сохранение нашего народа**» [Джержения 2019: 48];

– **прагматичность и готовность идти на компромисс**. Анализ текстов интервью В. Г. Ардзинбы характеризует его как политика-реалиста, нацеленного на достижение прагматичных результатов, который, однако, может быть довольно гибким и дипломатичным — и это никак не противоречит сказанному выше. «Мы подходили с **реалистических** позиций к этому процессу, на всём протяжении переговоров занимали очень **конструктивную** позицию...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 126]. «Наша позиция вполне **конструктивна** и с нами можно и нужно решать проблемы...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 128]. «Впереди у нас очень **сложный и опасный путь** и мы должны очень **трезво оценивать** сложившуюся ситуацию» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 143]. Подобная позиция характеризует В. Г. Ардзинбу не только как хорошего дипломата, но и как управленца-прагматика, который умеет балансировать и в случае необходимости уступать, если в этом есть политическая целесообразность.

Центральное место в языковом портрете В. Г. Ардзинбы занимает его готовность идти на компромисс с оппонентами, что позитивно сказывалось на его международном имидже как политика, умеющего договариваться. «Есть всё же люди (грузинские политики; *уточнения мои*. — Л. А.) вполне **трезвые**, которые с большим беспокойством оценивают ситуацию. И с ними **можно и нужно работать**, чтобы с их помощью выйти из тупика» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 23]. «Абхазия **неизменно выражает готовность к нормальному диалогу** в русле переговорного процесса и в целом к **нормализации межгосударственных отношений** с Грузией» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 253].

В. Г. Ардзинба был убежден, что «политика и чувства — вещи диаметрально противоположные. Как человек, я могу и должен

иметь свои сантименты. Как политик, **я руководствуюсь интересами дела, интересами своего народа**. Понимаете, ради этого я готов встречаться, обсуждать, пожимать руки, любезно улыбаться — всё, что угодно, **лишь бы мирно решить все конфликтные проблемы**» [Сайт первого президента Абхазии www].

Исходя из анализа выступлений, можно сказать, что В. Г. Ардзинбу отличает компромиссный идиостиль, желание идти на переговоры, открытость к разным точкам зрения и стремление воздержаться от необдуманных замечаний. «Думаю, можно найти **механизм**, с помощью которого следует **остановить маховик войны** на Кавказе. Можно было бы создать механизм постоянного контроля, нечто вроде ОБСЕ по Кавказу. Мы хотели бы, чтобы **Кавказ стал зоной мира и процветания**, а не войн» [Сайт первого президента Абхазии www]. «Мы никому не угрожали, просто в полном соответствии с нормами международного права мы предложили Грузии установить договорные отношения. И **готовы при этом пойти на любое компромиссное решение**, удовлетворяющее обе стороны» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 41]. «Мы первыми направили решение Президиума Верховного Совета Абхазии Госсовету Грузии с предложением — прекратить кровопролитие, вывести войска с территории Абхазии и **решать все проблемы за столом переговоров**. Мы по-прежнему считаем: **лучший способ решения конфликта — это мирный способ**...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 50]. «Мы с самого начала выступали за мирное цивилизованное решение проблем взаимоотношений Абхазии и Грузии» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 60]. «Мы не отказывались ни во время войны, ни сейчас **от языка переговоров, от совместного решения** всех проблем в наших отношениях. Но это **должны быть достойные условия для нашего народа**. Если мы под дулами танков сохранили свое достоинство, то сохраним его и **за столом переговоров**» [Сайт первого президента Абхазии www]. «**Мы решаем наши проблемы не на полях, а за столом переговоров**. То, что мы всегда предлагали грузинской стороне, но, к сожалению, она к этому не прислушивалась» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 108].

2. Обращаясь к **стилистика-риторическим особенностям** идиостиля политика, считаем важным рассмотреть лингвориторическую составляющую текстов интервью, предполагающую использование наиболее эффективных способов речевого воздействия с целью придания большей убедительности предлагаемому адресату материалу. В ре-

зультате мы выделили следующие характерные для идиостиля В. Г. Ардзинбы черты.

• **Простота, логичность, поэтичность изложения мыслей.** Следует отметить, что тексты интервью В. Г. Ардзинбы характеризуются простотой и строгой логичностью изложения при широком разбросе обсуждаемых политических тем в условиях предвоенного, военного и послевоенного дискурса. Стил подачи информации настолько структурирован и интересен, что довольно длинные по объему теле- и даже печатные интервью воспринимаются легко, на одном дыхании. Полотно повествования так логически верно сплетено, что не теряется нить повествования. Политик указывает на проблему, затем комментирует ее, приводит аргументы, доказательства и предлагает пути решения поставленной задачи, что соответствует схеме классического рассуждения. Ответы приводятся в системе, в соответствии с логикой рассуждения. При анализе текстов интервью мы часто встречаем структурно удачно расположенные элементы, указывающие на перечисление тезисов: «прежде всего», «во-первых», «во-вторых» или «первое», «второе», «и ещё» и т. д., — а также фразы, служащие для генерализации высказываний: «таким образом», «исходя из этого», «исходя из вышеизложенного» и т. д., — применяемые для логичного изложения своих мыслей. При интерпретации событий часто используются такие вводные слова и выражения, как «что касается...», «вместе с тем...», «в то же время...», «вы знаете...», «судите сами...», «надо сказать, что...», «должен со всей определенностью заявить...», «это объясняется тем, что...», «по сути...», «всё-таки...», «видите ли...» и т. д. Интересно, что довольно часто в своей речи политик употребляет вводное слово «очевидно», чтобы подчеркнуть бесспорность предъявляемых им доводов.

Можно сказать, что композиция речи политика сложная, но логически выстроенная. В каждом высказывании есть вступление, основная часть и заключение с выводами, примерами, иллюстрациями, служащими дополнительной доказательной базой доводов. Интересно, что порой чрезмерная доказательность не перегружает информацией и не ослабляет эмоционального воздействия на аудиторию. Подобный эффект достигается за счет грамотного речевого оформления и четкой структурированности, доступности. Политик пытается убедить слушателя в истинности своих высказываний в первую очередь за счет воздействия на логическое мышление, и так как способы аргументации

политика обращены к логике, большие и сложные по композиции фрагменты интервью воспринимаются легко. Судя по логичности ответов, частому использованию аргументов, а также средств, указывающих на порядок изложения, в том числе за счет частого употребления в тексте вводных слов, союзов, логических связок, содействующих упрощению и лучшему пониманию содержания, для политика характерен рационалистический тип мышления.

• **Аналитизм, экспланаторность и аргументированность доводов.** Для идиостиля В. Г. Ардзинбы свойственна четкая аргументация, доказательства, лаконичные цитирования и предпочтение, оказываемое индуктивно-дедуктивному способу изложения. По анализу текстов выступлений можно сделать вывод о том, что политик использует эмпирический подход в оценке реальности, интересуется исключительно конкретными данными, отдает предпочтение фактам, не любит пространных объяснений, в речи склонен использовать ясные, сжатые дескриптивные формулировки. Так как политик в аргументации апеллирует к фактам, часто выражает свое мнение и оценки эксплицитно, говорит ясно и убедительно — ему нельзя не верить: «И ни к одному из возникавших вопросов он не отнесся в роли равнодушного наблюдателя. Его фразы, мысли, выводы говорили о его глубоком знании сути той или иной проблемы. **Ему тогда нельзя было не верить и не доверять...**» [Сайт первого президента Абхазии www].

Отличительная черта идиостиля Ардзинбы представлена в аналитичных суждениях через логику построения «от общего к частному», что является признаком осведомленности политика о причинах проблем, а также их возможных последствиях в будущем. Средством языковой реализации этого приема часто служит риторический вопрос. «*Мы ведь что предлагали?* Нормализовать наши взаимоотношения, заключив с Грузией договор... Но в ответ... пришли танки. Решили пойти не по цивилизованному пути, а по пути силового давления. И в этом случае мы, естественно, должны защищаться» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 52]. «*Что развязало руки грузинскому руководству?* Реакция мирового сообщества. А точнее — отсутствие какой-либо реакции». «*Но разве можно судить обо всём, выслушав только одну сторону?* Мы отправили Генеральному секретарю ООН 12 писем. Никакой реакции! Но дайте же и нам возможность высказать свою точку зрения» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 64].

Политик благодаря простой и логичной форме изложения мыслей грамотно подводит слушателей к общим выводам, сентенциям, помогая аудитории получить простое объяснение сложных явлений. Вот почему порой замысловатые риторические кульбиты или исторические экскурсы не кажутся скучными. Об этой особенности идиостиля автора говорит четкое структурирование текстов, точность и лаконичность ответов, доступность изложения (включая разъяснения по поводу значимых событий и фактов).

Итак, аргументация, экспланаторность, речевое доказательство, аналитизм — ключевые элементы идиостиля В. Г. Ардзинбы, детерминированные стратегическими целями политика, — служат средствами осуществления прагматической коммуникативной стратегии информирования. Всё это в комплексе делало речь политика убедительной, помогая изменить мнение или укрепить существующие оценки, внушить отрицательное отношение к политическим противникам и побудить аудиторию к действиям.

• **Интертекстуальность и иллюстрирование.** Специалисты считают, что «интертекстуальность политического дискурса, в частности президентского, заслуживает пристального внимания, поскольку отражает не только индивидуальные особенности ораторского стиля, но и культурно- и национально-специфические характеристики языковой личности» [Рыбачук 2017: 238—239].

Интертекстуальность относится к константным особенностям идиостиля В. Г. Ардзинбы. Она характеризуется использованием ссылок на исторические факты, цитаты, прецедентные тексты, афоризмы, крылатые слова, пословицы и поговорки, цифры в качестве доказательства утверждаемого. Как историк, политик часто обращается к данному приему в качестве историко-правовой аргументации своих доводов. Приведем применяемые В. Г. Ардзинбой фразы, воплощающие фрагменты интертекстуального тезауруса: «*это не сегодняшняя проблема...*», «*если вы помните...*», «*не будем забывать, что...*», «*это далеко не сегодняшние обвинения...*» и т. д. Для иллюстрирования, чтобы на примерах объяснить аудитории важные процессы, политик использует фразы типа «*давайте возьмем...*», «*по собственному опыту...*», «*мы не раз слышали...*» и т. д. По мнению М. А. Холодной, подобный стиль, при котором «личность строит свой познавательный контакт с миром на основе данных непосредственного восприятия и предметно-практического опыта, обозначается как „познавательный“. Люди этого типа склонны подтверждать истинность сво-

их суждений ссылкой на факты, тщательность измерений, надежность и повторяемость наблюдений» [Холодная 2002: 148].

Благодаря эрудиции и великолепной памяти, В. Г. Ардзинба часто прибегает к историческим справкам и сравнениям, приводит аналогии, дает опровержения ложным доводам коллег, иллюстрируя сказанное интересными фактами, объяснениями, аргументами, причем в кажущемся спонтанным стиле общения не допускает логических и фактологических ошибок. Выдавая довольно большие по объему и разнообразию куски информации, включающие различные параллели с прошлым и настоящим, он с легкостью оперирует датами, именами, конкретными фактами, что говорит об аналитическом типе мышления рассматриваемой языковой личности. Так, в ответ на обвинения российских властей о неправомерности участия добровольцев в войне В. Г. Ардзинба проводит следующие исторические аналогии: «Если следовать логике прокуратуры РФ, **исходя из опыта** начала расползания фашизма, опыта войны в Испании, надо было бы возбуждать уголовные дела не против фашистов, которые напали на Испанию, а против тех добровольцев, которые пришли защищать Испанию» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 27]. Благодаря такой речевой тактике аудитория получает дополнительную подтекстовую объясняющую информацию, что придает полноту и доказательность высказываниям, содержательно-концептуальной идее политика.

Идиостиль В. Г. Ардзинбы характеризуется бесконечным процессом осмысления важнейших этапов в истории Абхазии. «**Разительны совпадения с событиями 1918 года.** Тогда, в условиях распада Российской империи, грузинские меньшевики оккупировали Абхазию, учинив здесь кровопролитие и грабежи. Теперь распад СССР повлек за собой агрессию, только гораздо более жестокую и бесчеловечную» [Наш Владислав 2010: 39].

В. Г. Ардзинба регулярно обращается к прошлому и, используя отсылки к историко-политическому наследию страны, преподнесенные в аналитическом преломлении, определяет перспективы на будущее. «**Мы — народ, который имеет 2500-летнюю историю,** и, естественно, мы никоим образом не хотим вернуться к доисторическим временам. Мы вполне **цивилизованный народ и хотим иметь такие же права, которыми пользуются другие народы.** Мы хотим пользоваться правом на самоопределение» [Сайт первого президента Абхазии www].

Таким образом, интертекстуальность и иллюстрирование являются важными эле-

ментами аргументации, используемыми В. Г. Ардзинбой в целях информирования широких масс. Фактографичность, прямые оценки, апелляции к историческим данным также свидетельствуют о желании обрисовать историко-культурные предпосылки событий, сделав их максимально понятными и убедительными для массового адресата. Они направлены на создание содержательной насыщенности текста и придание весомости приводимым доводам, что, безусловно, повышает авторитет исследуемой нами языковой личности.

• **Ироничность и чувство юмора.**

Языковой портрет политика Ардзинбы был бы неполным без рассмотрения такой особенности его идиостиля, как ирония и юмор. «Владислав ценит шутку и сам не прочь пошутить. Ардзинба, каким я его помню, не был живой фабрикой юмора или записным остроумцем. Он скорее посмеивался по-крестьянски, по-доброму и никогда не прибегал к сальностям. Я думаю, что, даже шутя, он всегда очень щепетильно относился к своему достоинству и своей роли» [Сайт первого президента Абхазии www].

Юмор и ирония — неотъемлемые элементы политического дискурса [Qaiwer 2020]. Не секрет, что наиболее эффективно воздействуют на аудиторию, даже враждебно настроенную, именно те ораторы, которые часто прибегают к юмору и иронии. Это свойства настоящего лидера. Они подчеркивают принадлежность к кооперативному дискурсу, сокращают дистанцию и содействуют популяризации имиджа политика в обществе [Nuolijärvi, Tiittula 2010]. «Юмор в имиджевом политическом интервью является той самой „зацепой“, посредством которой преодолевается банальность представления облика политика, а сам политик делается привлекательным для массового адресата» [Руженцева 2015: 51].

Часто к юмору и иронии прибегают перед обсуждением сложных вопросов, чтобы предотвратить возможную критику или парировать нападки оппонентов, обезоруживая их. «Политический дискурс, освещающий события и факты в ироническом ключе, ориентирует аудиторию на активное переосмысление политических реалий, на отказ от политического конформизма; из пассивного потребителя информации адресант превращается в активного интерпретатора... Умело использованная ирония делает политический дискурс более ярким, насыщенным и убедительным, а ироничный политик владеет искусством манипулирования общественным мнением лучше, чем оратор, обходящийся без иронии» [Горностаева 2018: 109—110].

Вообще речевой портрет В. Г. Ардзинбы отличается сдержанностью, логичностью, правильностью речи, и тем более интересна ироничная маска, иногда им используемая. Ирония выполняла в идиостиле Ардзинбы следующие функции:

- влияния и завоевания доверия аудитории;
- снятия напряжения;
- дискредитации оппонентов.

Юмор помогал В. Г. Ардзинбе обеспечить в любой ситуации комфортное общение с аудиторией. «Действительно Россия здорово помогает, потому что Россия передает оружие грузинам, а мы у грузин отнимаем, оно становится нашим. К сожалению, оружие не самое современное, поэтому было бы желательно, чтобы американцы передали тоже, и мы тогда отнимем, и будет у нас современное американское оружие, вот помощь значительная» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 73].

Создавая при обращении к сложным темам комический эффект, используя иронию как прием контраста и упрощения, В. Г. Ардзинба подразумевает противоположное сказанному и располагает к себе аудиторию. Подобная стратегия выполняет функцию релаксации, снятия напряжения, формирования положительного отношения к проблеме. Среди механизмов иронии в политической речи наиболее популярны сопоставления несопоставимого, двусмысленность, неожиданная смена стилового регистра. Ирония — это результат совокупности установок, сообщаемых с парадоксом или контрастом и демонстрирующих различную степень вовлеченности говорящих, ясную из «контекстуального сочетания пропозиционных и непозиционных установок в различных компонентах коммуникативного акта» [Bertuccelli 2018: 60].

Своими ироничными высказываниями В. Г. Ардзинба активизировал внимание слушателей и в простых, доступных выражениях имплицитно доносил важную информацию до широких масс. «Что, мы должны с луком и стрелами отражать атаки грузинских войск? Мы тоже находим свои возможности для защиты, для вооружения. Грузины нам в этом активно помогают» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 75].

Часто при помощи иронии в завуалированной, скрытой форме, при полном соблюдении норм этики, этикета и вежливости, политику удавалось дискредитировать оппонента: «В ООН была принята не Грузия, был принят Шеварднадзе, видимо, за свои предыдущие „заслуги“» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 123]. «Грузия получает

колоссальную экономическую помощь от западных стран. Еще бы, ведь у господина Шеварднадзе перед ними огромные заслуги: развалить и разорить такое великое государство! Вот за это он и получает, видимо, свои дивиденды, стрижет купоны» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 215]. В приведенных примерах ирония, переходящая в сарказм, язвительное, злое осмеяние, выражающее насмешливое отношение к объекту высказывания, мимикрирует под позитивно-оценочное высказывание и выполняет функцию риторического нападения с целью дискредитации противника. В ироничной форме В. Г. Ардзинба ставит под сомнение авторитет оппонента и высказывает критические замечания по отношению к нему.

Следует подчеркнуть, что ирония и юмор, как неотъемлемые элементы коммуникативной культуры абхазов, имеют свои этностилистические особенности. Соратник политика А. М. Джергения вспоминал, что на одной из пресс-конференций журналистка из Грузии в очень эмоциональной манере пыталась склонить В. Г. Ардзинбу к «признанию» того, что «грузины и абхазы — один народ». Нарушением коммуникативных ожиданий девушки оказалось то, что Ардзинба перешел на родной язык, что, конечно, поставило интервьюера в тупик, так как она ничего не поняла из сказанного. Так политик продемонстрировал всем участникам пресс-конференции, что народы не являются родственными, хоть и живут рядом. Не прибегая к прямой конфронтации, он использовал ироничный коммуникативный прием для переключения внимания, применил его как защиту и вежливо поставил оппонента на место, тем самым разрядив напряженную обстановку. В данном случае ирония, усиленная приемом «доведения до абсурда», превратилось в мощное оружие воздействия на сторонних наблюдателей. В то же время политик использовал этот момент как способ самовыражения и самопрезентации, достойно проявив себя и продемонстрировав глубину и мудрость своего народа. Релевантной реакцией на агрессивное поведение В. Г. Ардзинба отразил в этом ироничном приеме менталитет своего народа, его риторические этнокультурные особенности.

3. Переходя к анализу **лексико-содержательных** компонентов идиостиля В. Г. Ардзинбы, подчеркнем, что объектом исследования данной части статьи станут индивидуальные особенности текстовой и речетворческой деятельности политика, отражающие его интенции, мышление, картину мира, реализуемые в лексиконе, тезаурусе, грамматическом оформлении высказываний и т. д.

В анализе идиостиля политика следует учитывать индивидуализированную систему средств выражения, «индивидуальную словесно-речевую структуру» автора (термин В. В. Виноградова). Здесь актуальны такие факторы, как воспитание, образование, профессиональный и социальный статус языковой личности и т. д. «Лексическое наполнение публичного дискурса политика-оратора формирует определенный ассоциативно-образный ряд и в итоге создает когнитивный код знаковой языковой личности, олицетворяющей в определенный период времени страну и государство» [Гусакова 2017: 51].

Исходя из анализа текстов интервью политика, мы выделяем несколько лексико-семантических групп, отражающих его индивидуальные словесно-речевые особенности.

• **Лексемы, отражающие осознание исторического прошлого.** Исследование тезауруса В. Г. Ардзинбы говорит о доминировании знаний исследуемой языковой личности, прежде всего в области истории и политики, а идиостиль политика сформирован этосом ученого-историка. В. Г. Ардзинба часто подчеркивал, что он человек науки: «Я историк. И когда говорю о проблеме, предпочитаю знать позицию обеих сторон, **основанную на фактах**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 95]. Именно по обилию в речи политика фактологического лексикона исторических событий, дат, цифр, топонимов и, конечно, по величине и разнообразию тезауруса можно судить о масштабе личности, ее эрудиции, характере знаний о мире. А они наглядно свидетельствуют о рассматриваемом политике как о человеке, обладающем значительными специальными знаниями. «В силу своей природы эта власть (Грузия под руководством Э. Шеварднадзе. — прим. Л. А.) не способна понять очевидное: **роль старого центра, играемая новыми суверенами, не годится для нового территориально-национального устройства. Это дорога к краху, усиливающая дезинтеграцию до междоусобных распрей**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 34].

Как видно из примера, лексико-стилистические особенности реализуются в текстах В. Г. Ардзинбы в понятийно-терминологических и метафорических репрезентациях с преобладанием концептов общественно-политического характера. Вообще для идиостиля политика характерно обращение к прошлому, его осмысление, рефлексия, что, безусловно, свойственно мировоззрению ученого-историка. «**Корни** его (конфликта. — прим. Л. А.) **понятны: это продолжение политики Сталина и Берии.** И я лично не

вижу здесь никаких изменений. Просто при Сталине и Бериин это делалось тихо, хватили людей и расстреливали, а сейчас на нас пошли уже в открытую, танками...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 51].

• **Лексемы, служащие социокультурной самоидентификации.** Среди лингвокультурных концептов особо важное значение в текстах В. Г. Ардзинбы приобретают пространственно-временные (*древний народ, государство с тысячелетней историей, родная земля, Абхазия*). Частые апелляции к территориальной принадлежности в ряде фрагментов интервью выражаются в приеме социокультурной самоидентификации с этносом, становясь, таким образом, средством самопрезентации или позиционирования политика. О своей родине и народе политик говорит с большим трепетом и любовью: «Благодаря своему географическому положению, **Абхазия с давних времен была и остается** открытой для экономического, культурного и иного сотрудничества со всеми расположенными по соседству странами. Всякие попытки изолировать нас от мирового сообщества, навязать нам чуждый режим или создать в Абхазии моноэтническое общество, обречены на неудачу. **Народ Абхазии готов принять на себя ответственность за судьбы будущих поколений, за сохранение мира и окружающей среды**» [Сайт первого президента Абхазии [www](#)].

• **Лексемы, имеющие семантику объединения, единения.** «*В единстве наша сила!*» — заявил В. Г. Ардзинба в самом начале войны, и это стало основным лозунгом страны, ее локомотивом, приведшим народ к победе. Концепт «*единство*» — один из ключевых идеологических концептов военного времени — фигурировал в абхазском общественно-политическом дискурсе задолго до войны. «В свое время „**Аидгылара**“ сыграла большую роль («*Аидгылара*» с абх. «*единство*», «*объединение*»; так называлось освободительное движение, ставшее мощным консолидирующим обществом инструментом. — прим. Л. А.), так как это была единственная возможность противостоять враждебным Абхазии силам» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 229].

В текстах интервью политика лексемы, имеющие семантику объединения, встречаются довольно часто (*у нас единая позиция, многонациональный народ Абхазии, плечом к плечу, один народ, братство, общая судьба, взаимопонимание, общая беда*). В. Г. Ардзинба подчеркивал, что самое главное — единство: «...нам **необходима консолидация всех сил и всех национальностей**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 226].

• **Высокочастотная группа лексем, отражающих универсальные нравственные ценности в их неделимости с этнонациональными.** Когнитивная основа рассматриваемой нами языковой личности ориентирована на универсальные ценности. Ключевыми ценностными концептами, регулярно используемыми В. Г. Ардзинбой, являются *дружба, доверие, взаимопонимание, мир, демократия, справедливость, гуманизм, патриотизм, любовь к родине* и др. Политик поддерживает фундаментальные ценности, которые для него неотделимы от этнонациональных: «Абхазия — это страна, **многонациональный народ которой сделал свой выбор в пользу демократии и свободы**, хочет быть рядом с другими народами в **цивилизованном сообществе**» [Сайт первого президента Абхазии [www](#)].

Приверженность демократическим ценностям, принципам гуманизма и народной мудрости — важные компоненты идиостиля В. Г. Ардзинбы. Их нарушение или отрицание расценивается им как несостоятельность политика. Ардзинба так характеризует своего оппонента: «„Демократ“ Шеварднадзе подчеркнул: „Я сегодня не хочу говорить, что мы хотим уничтожения всего абхазского народа, но... это будет последний конфликт между грузинами и абхазами“. 8 декабря Шеварднадзе вновь заявил, что „эта война должна быть завершена достойно. Я сегодня на своей родной земле призываю к войне... мир верит нам. И раз мир поверил нам, мы не должны обмануть его... Мы в течение 1—1,5 месяца должны закончить эту войну, и к 2000 году Грузия будет самой счастливой страной в мире“. Получается, что главным **условием счастья Грузии провозглашает уничтожение Абхазии**, которое осуществляется чуть ли не с благословения всего мира. **Какой дикий цинизм, какая безнравственность!**» [Сайт первого президента Абхазии [www](#)]. Он подчеркивает, что в Абхазии «**идет борьба за общечеловеческие ценности**. Люди выступают против геноцида народа, против истребления народа, потому что это **противно самой человечности**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 50].

Контент-анализ тезауруса В. Г. Ардзинбы показал, что имеется группа высокочастотных слов (а именно абстрактных существительных), употребление которых зафиксировано практически в каждом интервью: *свобода, независимость, самоопределение, суверенитет, равноправие, единство или единение*. В интервью политика эти важнейшие для этнокультурной памяти абхазов понятия оказываются опорными словами — аксиологемами, словами-актуали-

зоторами, базовыми концептами идиостиля, отражающими мировоззрение и менталитет политика. Именно эти слова имеют особый, онтологически ценностный смысл для абхазского народа, и именно они делают языковую личность политика узнаваемой. Данные концепты раскрывают этнонациональные, культурные и исторические смыслы, аксиологически значимые для этноса, являющиеся основой семиотической памяти культуры (термин Ю. М. Лотмана).

На основе проанализированных нами выступлений политика можно сделать вывод, что ключевые выражения, характерные для идиостиля В. Г. Ардзинбы, — это «*право на самоопределение*», «*борьба за независимость*», «*право самостоятельно решать свою судьбу*», которые связаны с концептом «*свобода*». Эти фразы подчеркивали чаяния народа, веками лелеемые устремления. Вообще концепт *свобода* характерен для национально-культурного самосознания и исторически является ключевым понятием для коллективного сознания, отражающим когнитивные механизмы этноса. Используя их в речи, политик, безусловно, рассчитывает на позитивный отклик в массах. «Умелое манипулирование символами и понятиями, входящими в ценностную парадигму общества, является залогом успеха политика или общественного деятеля в достижении стратегической задачи общественно-политического дискурса — обретении поддержки целевой аудитории» [Безруков 2014: 16].

А еще эти фразы стали символическими знаками эпохи, культуры развалившейся на части огромной страны, людей в целом, и они были мастерски задействованы В. Г. Ардзинбой в соответствующую эпоху для осмысления и описания политических процессов в самой Абхазии. «После распада СССР впервые за многие годы появилась возможность **на основе норм международного права** осуществить **национально-государственное самоопределение** всех народов бывшего Союза ССР. Многие народы, приняв соответствующие Декларации и решения о своем **суверенитете и независимости**, выбрали этот **цивилизованный путь самостоятельной государственности, соответствующий требованиям международного права**. Этот путь избрали себе Абхазия и ее народ» [Те суровые годы 2004].

Лингвокогнитивный аспект речевого портрета В. Г. Ардзинбы связан с описанием этнокультурных ценностей народа: свободой, правом на самоопределение, справедливостью, единством. При помощи использования в речи этих концептов, представляющих духовно-нравственные идеалы на-

рода, политик добивается объективации содержания как индивидуального, так и массового сознания. Слова, отражающие духовно-нравственные ориентиры народа, позволяют охарактеризовать языковую личность политика как носителя языка и культурного кода народа.

Важно учитывать, что политическое высказывание обычно обладает модально-оценочными характеристиками и выражает отношение политика к происходящим событиям. Проведя **анализ оценочного пласта лексики** В. Г. Ардзинбы, мы пришли к выводу о том, что его идиостиль характеризуется:

– частым использованием ярких образных прилагательных для описания действий врага: *варварский, противоправный, силовой, чудовищный, зверский, безнравственный, бесчеловечный, фашистский, вероломный, вопиющий, кощунственный, циничный, безжалостный, недальновидный* и т. д. Оценочные эпитеты негативного характера используются преимущественно для характеристики оппонентов и их действий, а для описания собственных шагов применяются прилагательные с положительной коннотацией: *цивилизованный* (самое частотное прилагательное в текстах интервью, причем данный оценочный эпитет используется даже в окказиональном новообразовании в глагольной форме «мы предложили **цивиловать** эти отношения, перейти к договорным отношениям между Абхазией и Грузией»), *мирный, реалистичный, трезвый, логичный, конструктивный, ответственный, трудный* (в сочетании «*трудное решение*» со значением «*необходимый, важный*»). Сравнения, противопоставления, дихотомические оппозиции, антитеза обнаруживаются в политическом дискурсе довольно часто. «Антонимические оппозиции являются средством структурирования отдельных фрагментов картины мира и вследствие этого обладают несомненным потенциалом воздействия на сознание адресата» [Иссерс 2009: 120]. Политик мастерски использует прием противопоставления и не боится давать открытые оценки событиям, действиям и отдельным персоналиям, причем делает это этически корректно, в полном соответствии с правилами деловой коммуникации и нормами дипломатической культуры;

– использованием библеизмов для выражения оценки. «Руководство Грузии уже не может скрываться за характерным для него **фарисейством**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 18]. «Шеварднадзе пришел к власти **неправедным** путем» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 136]. Наиболее часто библеизмы встречаются в речи

В. Г. Ардзинбы именно в период войны. К примеру, обвинения Шеварднадзе в том, что он якобы разрешил ввод грузинских войск на территорию Абхазии, В. Г. Ардзинба называет «**святотатством**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 137]. «Нам, абхазам, не нужно ничего чужого, мы ни на кого не нападали — на нас напали. И мы имеем право бороться за свободу нашей Родины. На это нас **благословил Бог**. Значит, мы победим! Я хочу, чтобы вы все в это поверили»; «Я не думаю, чтобы кто-нибудь упрекнул абхазов (абаза) за то, что они во время этого **священного** дела подняли оружие» [Сайт президента Абхазии www]. Как видно из приведенных примеров, библеизмы используются политиком для придания дополнительной экспрессивности и весомости своим оценкам. Вообще в общественно-политическом дискурсе, политической коммуникации применение библеизмов не редкость, ведь они не только украшают речь и делают ее более выразительной, эмоциональной, но и существенным образом влияют на сознание масс;

– использованием модальных глаголов долженствования, в основном в сочетании «*мы должны*», «*нам придется*», «*мы сумели*», что подчеркивает и сложность ситуации, в которой оказался народ, и осознаваемую лидером ответственность за социально-политическую обстановку в стране. Употребление модальных глаголов, выражающих долженствование, — это средство прямого речевого воздействия, оно формирует у адресата чувство долга, ответственности, но также служит средством создания перспективы. Благодаря использованию глаголов конкретного действия повествование политика приобретает динамику и эмоциональную остроту, что увеличивает силу воздействия речи на слушателей. Кроме того, подобная глагольная форма объединяет оратора со слушателями и выражает их совместное мнение;

– четко артикулируемым акцентированием собственной точки зрения на те или иные события. Политик часто начинает предложения со слов: «*я глубоко уверен*», «*я убежден*», «*с моей точки зрения*», «*я должен сказать*», «*мне лично кажется*», «*я думаю*», «*я считаю*», «*я надеюсь*», «*я глубоко убежден*», «*я действительно рассчитываю*», «*я бы хотел*» и т. д. Прослеживающееся повсеместно высокочастотное употребление слов, выражающих собственную оценку или позицию по различным вопросам, говорит о самостоятельности лидера, убежденного в правоте своей политики, предпринятых шагов и решений, а также об уверенности оратора

в том, что его мнение и взгляды будут поддержаны обществом [Beard 2000: 46]. Часто используемое местоимение «я» также свидетельствует о высокой самооценке политика, для которого собственная точка зрения представляется правильной. По мнению специалистов, использование личного местоимения «я» позволяет говорящему демонстрировать авторитет и личную ответственность, подчеркивая вовлеченность, приверженность делу, а также указывает на желание подчеркнуть свою индивидуальную идентичность [Bramley 2001: 259, 263]. В идиостиле В. Г. Ардзинбы прослеживается страстная личная убежденность в правильности выбранного курса, а также оценочная полемичность, что обуславливает выбор соответствующих лингвистических и риторических средств, создающих комплексный когнитивно-экспрессивный образ политика в его рациональной, эмоциональной и духовной составляющих. Через умение в своей речи дать личную оценку происходящему и выразить отношение по какому-либо вопросу политик манифестирует высокую самооценку и указывает на такие лидерские качества, как инициативность, смелость, целеустремленность, способность к самоконтролю и т. д. Яркое выраженное личностное начало с четко артикулируемой позицией в выражении оценок — характерная особенность идиостиля В. Г. Ардзинбы;

– использованием выражений, содержащих в своей семантической структуре эмоциональную составляющую, что также характерно для идиостиля В. Г. Ардзинбы. В качестве примеров подтверждения этой особенности языковой личности отметим образное использование метонимии, градации, метафор в рассуждениях: «Грузинский экспедиционный корпус, словно раковая опухоль, разъедает Центральную Абхазию, ее столицу, разбрасывая смертоносные метастазы по всему организму республики» [Сайт президента Абхазии www]. Частое употребление метафор, афористичность суждений, использование аллегорий и эпитетов, образные, а порой и парадоксальные ответы на вопросы подчеркивали эмоциональность оратора в выражении своего личного мнения. Можно сказать, что эмоционально-экспрессивная составляющая высказываний является неотъемлемым элементом речевого портрета политика. В качестве приема для выражения оценки политик часто прибегал к яркой образности с использованием богатого арсенала риторических изобразительно-выразительных средств. Чего стоит обращение Ардзинбы к народам Северного Кавказа в самом начале войны: «Братья и

сестры! В Абхазии пылает страшный пожар, сжигающий людей, культуру и государство. Искры этого пожара залетают в Северокавказские жилища — Кавказский хребет не поднимался между нами Берлинской стеной. Погасив огонь войны в Абхазии, вы уберете и свои пока более уютные жилища. Наше общее спасение только в мире между людьми и народами!» [Сайт президента Абхазии www.abkhazianews.ru].

Морфологический анализ текстов показал, что речь В. Г. Ардзинбы изобилует наречиями, усиливающими эмоциональную окраску, например: *сердечно, неизменно, уверенно, неоднократно, активно, справедливо, абсолютно*. Чаще других используются наречия *ответственно, подробно, внимательно*, характеризующие политика как человека, который далек от поверхностного отношения к ситуации и акцентирует внимание на каждой детали, тщательно подходу к своим обязанностям, понимая ответственность принимаемых им решений. В речи политика встречаются фразы-клише из политико-дипломатического лексикона: «люди требуют», «народ полон решимости», «злодеяния агрессора», «грубые массовые нарушения», «попирание прав и свобод», «назрела необходимость», «попустительство мирового сообщества», «проявления беззакония» и т. д., используемые для придания большей значимости, весомости высказываниям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании предпринята попытка анализа особенностей идиостиля первого президента Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинбы на основе рассмотрения используемых им лингвориторических средств. Нами были выявлены индивидуальные проявления языковой личности, коммуникативно-когнитивные и культурно-речевые особенности, составляющие речевой портрет рассматриваемого политика. К идиостильным константам, определяющим неповторимую манеру рассматриваемой фигуры, относятся: логичность изложения и аналитизм; юмор, ирония и парадоксальность речевого развертывания; интертекстуальность, ссылки на исторические факты; афористичность суждений, аллегоричность, использование ярких изобразительно-выразительных средств, которые создаются употреблением средств вербальной системы акцентирования (четкость, эксплицитность, статистические данные). При этом массу фактологической информации В. Г. Ардзинба приводит по памяти, практически не пользуясь записями, что говорит о высокой эрудиции, масштабе языковой личности политика. Об этом, в частно-

сти, свидетельствует и богатство тезауруса, и многообразие приводимых культурологических, ситуативных и тематических ассоциаций, из которых в идиостиле В. Г. Ардзинбы преобладают исторические.

Исходя из проведенного нами анализа лексико-содержательных компонентов, к особенностям идиостиля В. Г. Ардзинбы можно отнести в первую очередь яркую образность, богатство тезауруса и высокий уровень речевой культуры, что позволяет отнести данную языковую личность к элитарному типу. Анализ словарного запаса политика свидетельствует о высокой степени его экспрессивности, о разнообразии используемых языковых и стилистических средств, о богатстве оценочных эпитетов. Кроме того, исследование лексического своеобразия речи характеризует его как языковую личность, способную к эксплицитным оценкам и спонтанным выступлениям. Как верно подметил один из современников, язык политика был настолько точен, образен, колоритен, что журналистам не приходилось мучиться в поиске заголовка публикации — брали целые фразы прямо из текстов интервью («...*роль старого центра, играемая новыми суверенами, не годится для нового национального устройства...!*») — «Московские новости», 6 сент. 1992 г.; «*Под дулами автоматов мы работать не будем*» — «Литературная газета», 16 сент. 1992 г.; «*Горячая линия: Абхазия не отступит*» — «Литературная Россия», 2 окт. 1992 г.; «*Возможность избежать дальнейшего кровопролития еще существует*» — Известия, 20 окт. 1992 г.; «*Самое главное — единство*» — «Нарт», № 5, 1992 г.; «*Мы готовы к переговорам*» — «Республика Абхазия», 4 марта, 1993 г.; «*Мечом не доказать правды*» — «Южная Осетия», 1993 г.; «*Всё зависит от России*» — «Московские новости», 21 нояб. 1993 г.; «*Абхазия не уступит насилию*» — «Правда», 16 марта 1994 г.).

В целом политик демонстрирует высокий уровень языковой компетенции, что обнаруживается в концентрации книжной лексики, а также культурно-речевой сдержанности (просторечные слова используются крайне редко). Речь лидера деловая, нормативная, в большей степени литературная (академическая), чем разговорная, отличается богатством и выразительностью, а выбор языковых средств характеризует политика как языковую личность — носителя элитарной речевой культуры. Доминантные свойства идиостиля В. Г. Ардзинбы свидетельствуют о виртуозном владении политиком ораторским искусством. Выбор лексических средств политика соответствует историческому мо-

менту и соотнесен с наиболее актуальными для общества явлениями. Судя по тезаурусу, языковым и стилистическим средствам репрезентации, можно говорить о богатом профессиональном и жизненном опыте сравнительно молодого политика, которому на момент начала войны было всего 47 лет!

ИСТОЧНИКИ

1. Мы шли на смерть, чтобы жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба / сост. Л. К. Ардзинба. — Сухум, 2011. — Текст : непосредственный.
2. Сайт первого президента Абхазии. — URL: www.ardzinba.com. — Текст : электронный.
3. Те суровые годы. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992—1993 гг. в документах / отв. ред. В. Г. Ардзинба. — Сухум, 2004. — Текст : непосредственный.
4. Наш Владислав : сб. выступлений, интервью, бесед / сост. В. Зантария. — Сухум, 2010. — Текст : непосредственный.
5. Джергения, А. М. О первом президенте Республики Абхазия Владиславе Ардзинба (статьи, интервью) / А. М. Джергения. — Сухум, 2019. — Текст : непосредственный.

ЛИТЕРАТУРА

6. Алексеева, А. К. Политический портрет В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале прессы и ассоциативного эксперимента) / А. К. Алексеева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 41. — С. 64—80.
7. Анисимова, С. А. Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В. В. Путина и Б. Обамы) / С. А. Анисимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 57. — С. 77—83.
8. Анисимова, Т. В. Психологические условия эффективной презентации личности политика в СМИ / Т. В. Анисимова. — Текст : непосредственный // Прагмалингвистика и практика речевого общения. — Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2008. — Вып. 2. — С. 27—34.
9. Безруков, В. А. Лингвистические средства формирования положительного имиджа в общественно-политическом дискурсе (на примере речей Б. Обамы) / В. А. Безруков. — Текст : непосредственный // Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — Вып. 15. — С. 15—23.
10. Болотнов, А. В. Тип аргументации как отражение идиостиля публичной информационно-медийной языковой личности / А. В. Болотнов. — Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. — 2019. — № 4 (201). — С. 21—30.
11. Болотнова, Н. С. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы / Н. С. Болотнова, А. В. Болотнов. — Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. — 2012. — № 4. — С. 187—193.
12. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллективная монография / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова [и др.] ; под ред. Н. С. Болотновой. — Томск, 2011.
13. Васильев, А. Д. Свои и чужие в контексте программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» (2014 г.) / А. Д. Васильев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 18—24.
14. Гаврилова, М. В. Некоторые черты речевого портрета президента России Д. А. Медведева / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2011. — № 1. — С. 4—10.
15. Дементьева, М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом

- дискурсе / М. К. Дементьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4. — С. 82—92.
16. Зелянская, Н. Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности / Н. Л. Зелянская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 120—126.
17. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 224 с. — Текст : непосредственный.
18. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 6-е. — Москва : URSS : ЛКИ, 2007. — 261 с. — Текст : непосредственный.
19. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова / В. А. Маслова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — Вып. 1 (24). — С. 43—48.
20. Нахимова, Е. А. «Прямая линия» с народом: президентские ответы на детские вопросы / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 22—26.
21. Руженцева, Н. Б. Имиджевое интервью-перформанс В. Жириновского: смена масок, эпатаж, технология примитива / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 3 (53). — С. 50—56.
22. Самарская, Т. Б. Языковые средства создания идиостиля / Т. Б. Самарская, Т. В. Поздеева. — Текст : электронный // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/02/pdf/08.pdf>.
23. Седых, А. П. Психологический эскиз к портрету языковой личности арготирующего француза / А. П. Седых, Л. В. Смирнова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2019. — Т. 12. — Вып. 9. — С. 333—337.
24. Цуциева, М. Г. Языковая личность как субъект политического дискурса / М. Г. Цуциева. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — Вып. 2. — С. 104—107.
25. Цуциева, М. Г. Институциональность языковой личности политика / М. Г. Цуциева. — Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — С. 136—141.
26. Цуциева, М. Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста / М. Г. Цуциева. — Текст : непосредственный // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2013. — № 5 (83). — С. 104—108.
27. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : ИТДКГ «Гнозис», 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.
28. Bertuccelli, M. Irony as a complex attitude / M. Bertuccelli. — Text : unmediated // *Lingue e Linguaggi*. — 2018. — No 26. — P. 59—80.
29. Bramley, N. R. Pronouns of Politics: the use of pronouns in the construction of 'self' and 'other' in political interviews / N. R. Bramley. — 2001. — Text : electronic (April 10, 2012).
30. Karapetjana, I. Pronominal Choice in Political Interviews / I. Karapetjana. — Text : unmediated // *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*. — Riga : University of Latvia, 2011. — Vol. 1. — P. 36—45.
31. Nuolijärvi, P. Irony in Political Television Debates / P. Nuolijärvi, L. Tiittula. — Text : unmediated // *Journal of Pragmatics*. — 2010. — No 43 (2). — P. 572—587.
32. Qaiwer, S. N. A Study of Irony in Political Discourse / S. N. Qaiwer. — Text : unmediated // *Arab World English Journal: Special Issue on the English Language in Iraqi Context*. — 2020. — P. 2—17.

L. A. Agrba

Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

ORCID ID: —

✉ E-mail: lagrba@mail.ru.

Peculiar Features of the Individual Style of a Politician (A Linguistic Analysis of the Speeches of the First President of Abkhazia V. G. Ardzinba)

ABSTRACT. The article deals with the peculiarities of the individual style of the first President of Abkhazia Vladislav G. Ardzinba — one of the most significant personalities in the socio-political and socio-cultural life of Abkhazia. The study attempts to identify and structure idiostyle constants, target settings, speech tactics and strategies, stylistic and rhetorical techniques used by the politician. **The scope** of linguistic analysis includes the texts of interviews and speeches by Vladislav Ardzinba on the eve, during and immediately after the Georgian-Abkhazian war (1992-1993). **The urgency** of the study is determined by the lack of research of the language and style of Ardzinba, its communicative, cognitive and rhetorical features, which are significant in terms of impact on the collective recipient. **The aim** of the work is to analyze the specific features of idiostylistic lexical and rhetorical aspects that reconstruct a complete language portrait of the politician. To achieve this goal, **the task** to provide a comprehensive description and systematization of linguo-rhetorical techniques and to identify the features of the politician's idiostyle is performed in the study. Within the framework of the study, the individual style is interpreted comprehensively as manifestations of the specificity of the linguistic personality in the structure, semantics and pragmatics of the texts created by them. The research **material** includes the texts and transcripts of the politician's interviews. The **method** of scientific description, including the methods of classification, interpretation and generalization of language material based on component and context analysis was chosen as the main research method. The study has revealed that the interviews of Ardzinba differ in content, logical presentation, imagery, factography, as well as a set of specific linguistic features and are characterized by a strong impact on the participants of the political discourse of their time. While interpreting the individual style of the first President of Abkhazia, we identify the target settings, stylistico-rhetorical and lexico-semantic features that determine the variability of the communicative behavior of the public linguistic personality in question. Further research of the linguistic personality of a politician in the aspect of identification of the specific features of their idiostyle may turn out to be promising.

KEYWORDS: individual style (idiostyle); linguistic personality; aims; rhetorical techniques; lexico-semantic features; linguo-stylistic peculiarities; speech culture; presidents; politicians; political rhetoric; political speeches; linguopersonology.

AUTHOR'S INFORMATION: Agrba Lana Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and German, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia.

FOR CITATION: Agrba, L. A. Peculiar Features of the Individual Style of a Politician (A Linguistic Analysis of the Speeches of the First President of Abkhazia V. G. Ardzinba) / L. A. Agrba // Political Linguistics. — 2020. — No 4 (82). — P. 114-131. — DOI 10.26170/pl20-04-14.

MATERIALS

1. We went to Death to Live: a collection of interviews and speeches by V. G. Ardzinba / comp. L. K. Ardzinba. — Sukhum, 2011. — Text : unmediated. [My shli na smert', chtoby zhit': sbornik interv'y u i vystupleniy V. G. Ardzinba / sost. L. K. Ardzinba. — Sukhum, 2011. — Tekst : neposredstvennyy].

2. The Site of the First President of Abkhazia. [Sayt pervogo prezidenta Abkhazii]. — URL: www.ardzinba.com. — Text : electronic.

3. Those Harsh Years. Chronicle of the Patriotic War of the People of Abkhazia 1992—1993 in documents / rev. ed. V. G. Ardzinba. — Sukhum, 2004. — Text : unmediated. [Te surovye gody. Khronika Otechestvennoy vojny naroda Abkhazii 1992—1993gg. v dokumentakh / otv. red. V. G. Ardzinba. — Sukhum, 2004. — Tekst : neposredstvennyy].

4. Our Vladislav: collection of speeches, interviews, conversations / comp. B. Zantaria. — Sukhum, 2010. — Text : unmediated. [Nash Vladislav : sb. vystupleniy, interv'y u, besed / sost. V. Zantariya. — Sukhum, 2010. — Tekst : neposredstvennyy].

5. Dzhergeniya, A. M. About the first President of the Republic of Abkhazia Vladislav Ardzinba (articles, interviews) / A. M. Dzhergeniya. — Sukhum, 2019. — Text : unmediated. [O pervom prezidente Respubliki Abkhaziy Vladislave Ardzinba (stat'i, interv'y u) / A. M. Dzhergeniya. — Sukhum, 2019. — Tekst : neposredstvennyy].

REFERENCES

6. Alekseeva, A. K. The Political Portraits of V. Putin and D. Medvedev (on the material of the modern press and the associative experiment) / A. K. Alekseeva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2012. — No 41. — P. 64—80. [Politicheskii portret V. V. Putina i D. A. Medvedeva (na materiale pressy i

assotsiativnogo eksperimenta) / A. K. Alekseeva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2012. — № 41. — S. 64—80]. — (In Rus.)

7. Anisimova, S. A. The Role of Precedent Phenomena in the Process of Mental Space Formation (based on the comparative analysis of V. V. Putin and B. Obama discourses) / S. A. Anisimova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No 57. — P. 77—83. [Rol' pretsedentnykh fenomenov v formirovani natsional'nogo mental'nogo prostranstva (po materialam sopostavitel'nogo analiza diskursov prezidentov V. V. Putina i B. Obamy) / S. A. Anisimova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 57. — S. 77—83]. — (In Rus.)

8. Anisimova, T. V. Psychological Conditions for the Effective Presentation of the Personality of a Politician in the Media / T. V. Anisimova. — Text : unmediated // Pragmalinguistics and Practice of Verbal Communication. — Rostov-on-Don : IPO PI SFU, 2008. — Issue. 2. — P. 27—34. [Psikhologicheskie usloviya effektivnoy prezentatsii lichnosti politika v SMI / T. V. Anisimova. — Tekst : neposredstvennyy // Pragmalingvistika i praktika rechevogo obshcheniya. — Rostov-na-Donu : IPO PI YuFU, 2008. — Vyp. 2. — S. 27—34]. — (In Rus.)

9. Bezrukov, V. A. Linguistic Means of Forming a Positive Image in Socio-political Discourse (on the example of B. Obama's speeches) / V. A. Bezrukov. — Text: direct // Linguistics and Intercultural Communication. — 2014. — Issue. 15. — P. 15-23. [Lingvisticheskie sredstva formirovaniya polozhitel'nogo imidzha v obshchestvenno-politicheskom diskurse (na primere rechey B. Obamy) / V. A. Bezrukov. — Tekst : neposredstvennyy // Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — 2014. — Vyp. 15. — S. 15—23]. — (In Rus.)

10. Bolotnov, A. V. Type of Argumentation as a Reflection of the Idiostyle of a Public Information and Media Language Personality / A. V. Bolotnov. — Text : unmediated // Bulletin of TSPU. — 2019. — No. 4 (201). — P. 21—30. [Tip argumentatsii kak otrazhenie idiostilya publichnoy informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti / A. V. Bolotnov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik TGPU. — 2019. — № 4 (201). — S. 21—30]. — (In Rus.)
11. Bolotnova, N. S. Cognitive Style of the Linguistic Personality in the Structure of the Idiostyle Model: to the Statement of the Problem / N. S. Bolotnova, A. V. Bolotnov. — Text : unmediated // Siberian Journal of Philology. — 2012. — No. 4. — P. 187—193. [Kognitivnyy stil' yazykovoy lichnosti v strukture modeli idiostilya: k postanovke problemy / N. S. Bolotnova, A. V. Bolotnov. — Tekst : neposredstvennyy // Sibirskiy filologicheskyy zhurnal. — 2012. — № 4. — S. 187—193]. — (In Rus.)
12. Bolotnova, N. S. Communicative Style of the Text: Lexical Regulation in Text Activity: a Collective Monograph / N. S. Bolotnova, I. I. Babenko, E. A. Baklanova [et al.]; under the editorship of N. S. Bolotnova. — Tomsk, 2011. [Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost' v tekstovoy deyatelnosti : kollektivnaya monografiya / N. S. Bolotnova, I. I. Babenko, E. A. Baklanova [i dr.]; pod red. N. S. Bolotnovoy. — Tomsk, 2011]. — (In Rus.)
13. Vasil'ev, A. D. Friends and Strangers in the Context of the Program "Direct Line with Vladimir Putin" (2014) / A. D. Vasil'ev. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2015. — No. 4 (54). — P. 18—24. [Svoi i chuzhie v kontekste programmy «Pryamaya liniya s Vladimirom Putinym» (2014 g.) / A. D. Vasil'ev. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2015. — № 4 (54). — S. 18—24]. — (In Rus.)
14. Gavrilova, M. V. Some Features of the Speech Portrait of the President of Russia D. A. Medvedev / M. V. Gavrilov. — Text : unmediated // Bulletin of TvSU. Series "Philology". — 2011. — No. 1. — P. 4—10. [Nekotorye cherty rechevogo portreta prezidenta Rossii D. A. Medvedeva / M. V. Gavrilov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya». — 2011. — № 1. — S. 4—10]. — (In Rus.)
15. Dement'eva, M. K. Linguistic Means of Expressing Assessment in Contemporary Russian Official Political Discourse / M. K. Dement'eva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 4. — P. 82—92. [Yazykovyye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse / M. K. Dement'eva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 4. — S. 82—92]. — (In Rus.)
16. Zelyanskaya, N. L. Media Image of a Politician: the Internet Community as an Agent of Political Reality / N. L. Zelyanskaya. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2014. — No 4 (50). — P. 120—126. [Mediaobraz politika: internet-soobshchestvo kak agent politicheskoy real'nosti / N. L. Zelyanskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2014. — № 4 (50). — S. 120—126]. — (In Rus.)
17. Issers, O. S. Speech Impact : teaching aid for students studying in the specialty "Public Relations" / O. S. Issers. — Moscow : Flinta : Science, 2009. — 224 p. — Text : unmediated. [Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu» / O. S. Issers. — Moskva : Flinta : Nauka, 2009. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Karaulov, Yu. N. Russian Language and Linguistic Personality / Yu. N. Karaulov. — Ed. 6th. — Moscow : URSS : LCI, 2007. — 261 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. — Izd. 6-e. — Moskva : URSS : LKI, 2007. — 261 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Maslova, V. A. Political Discourse: Language Games or Word Games / V. A. Maslova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2008. — Issue 1 (24). — P. 43—48. [Politicheskyy diskurs: yazykovyye igry ili igry v slova / V. A. Maslova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2008. — Vyp. 1 (24). — S. 43—48]. — (In Rus.)
20. Nakhimova, E. A. «Direct Line» with People: President's Answers to the Questions from Children / E. A. Nakhimova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No 2 (56). — P. 22—26. [«Pryamaya liniya» s narodom»: prezidentskie otvety na detskie voprosy / E. A. Nakhimova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 2 (56). — S. 22—26]. — (In Rus.)
21. Ruzhentseva, N. B. Image Interview-performance of V. Zhirinovskiy: Change of Guise, Shock and primitivism technology / N. B. Ruzhentseva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2015. — No 3 (53). — P. 50—56. [Imidzhevoe interv'yupersona V. Zhirinovskogo: smena masok, epatazh, tekhnologiya primitiva / N. B. Ruzhentseva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2015. — S. 50—56]. — (In Rus.)
22. Samarskaya, T. B. Language Tools for Creating Idiostyle / T. B. Samarskaya, T. V. Pozdeeva. — Text : electronic // Political Internet electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. — 2016. [Yazykovyye sredstva sozdaniya idiostilya / T. B. Samarskaya, T. V. Pozdeeva. — Tekst : elektronnyy // Politicheskyy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. — 2016]. — URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/02/pdf/08.pdf>. — (In Rus.)
23. Sedykh, A. P. Psychological Sketch for a Portrait of the Linguistic Personality of an Argotting Frenchman / A. P. Sedykh, L. V. Smirnova. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2019. — V. 12. — Iss. 9. — P. 333—337. [Psikhologicheskyy eskiz k portretu yazykovoy lichnosti argotiruyushchego frantsuza / A. P. Sedykh, L. V. Smirnova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2019. — T. 12. — Vyp. 9. — C. 333—337]. — (In Rus.)
24. Tsutsieva, M. G. Language Personality as a Subject of Political Discourse / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // Bulletin of the Baltic Federal University of I. Kant. — 2012. — Issue 2. — P. 104—107. [Yazykovaya lichnost' kak sub'ekt politicheskogo diskursa / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. — 2012. — Vyp. 2. — S. 104—107]. — (In Rus.)
25. Tsutsieva, M. G. Institutionality of the Linguistic Personality of a Politician / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // Bulletin of the Leningrad State University of A. S. Pushkin. — 2014. — P. 136—141. [Institutsional'nost' yazykovoy lichnosti politika / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. — 2014. — S. 136—141]. — (In Rus.)
26. Tsutsieva, M. G. Language Personality of a Politician as a Dynamic Phenomenon of Discourse and Text / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // News of St. Petersburg State University of Economics. — 2013. — No. 5 (83). — P. 104—108. [Yazykovaya lichnost' politika kak dinamicheskiy fenomen diskursa i teksta / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. — 2013. — № 5 (83). — S. 104—108]. — (In Rus.)
27. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheygal. — Moscow : ITDKG "Gnosis", 2004. — 326 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva : ITDKG «Gnosis», 2004. — 326 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
28. Bertuccelli, M. Irony as a complex attitude / M. Bertuccelli. — Text : unmediated // Lingue e Linguaggi. — 2018. — No 26. — P. 59—80.
29. Bramley, N. R. Pronouns of Politics: the use of pronouns in the construction of 'self' and 'other' in political interviews / N. R. Bramley. — 2001. — Text : electronic (April 10, 2012).
30. Karapetjana, I. Pronominal Choice in Political Interviews / I. Karapetjana. — Text : unmediated // Baltic Journal of English Language, Literature and Culture. — Riga : University of Latvia, 2011. — Vol. 1. — P. 36—45.
31. Nuolijärvi, P. Irony in Political Television Debates / P. Nuolijärvi, L. Tiittula. — Text : unmediated // Journal of Pragmatics. — 2010. — No 43 (2). — P. 572—587.
32. Qaiwer, S. N. A Study of Irony in Political Discourse / S. N. Qaiwer. — Text : unmediated // Arab World English Journal: Special Issue on the English Language in Iraqi Context. — 2020. — P. 2—17.